

Капина Ольга Николаевна
Учитель,
Вологодский педагогический колледж
(Вологда, Россия)
E-mail: gusevaon@lenta.ru

Kapina Olga Nikolaevna
Teacher,
Vologda pedagogical college
(Vologda, Russia)
E-mail: gusevaon@lenta.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ ОППОЗИЦИИ
«ГОРОД / ДЕРЕВНЯ» В СКАЗЕ
В. И. БЕЛОВА «МАНИКЮР»**

**REALIZATION OF OPPOSITION
“CITY / VILLAGE” IN THE
V. I. BELOV’S SKAZ “MANICURE”**

Аннотация. Автор рассматривает основные подходы филологической науки к понятию «сказ» и к его языковым особенностям. В статье осуществлена реконструкция коммуникативного портрета повествователя в сказе В. И. Белова «Маникюр», а также описан уровень речевой репрезентации персонажей произведения, определяющий способы реализации оппозиции «Город / Деревня», «Свое / Чужое».

Ключевые слова: сказ, В. И. Белов, языковая оппозиция, коммуникативный портрет

Abstract. The author considers the main approaches of philological science to the concept of “skaz” and its linguistic features. The article reconstructs the communicative portrait of the narrator in V. I. Belov’s skaz “Manicure”, describes the characters’ speech representation level, which determines the ways related to realization of the language opposition “City / Village”, “One’s own / Another’s”.

Keywords: skaz, V. I. Belov, language opposition, communicative portrait

Введение

В. И. Белов является одним из самых ярких представителей феномена так называемой «деревенской прозы», наиболее выразительно проявившей себя в 1960–1980-х гг. В своем творчестве данный автор сумел достаточно органично соединить две системы мировосприятия – городскую и деревенскую. Каждая из этих систем имеет свои особые характеристики, репрезентируемые на разных уровнях литературного произведения как художественной целостности – в том числе и на уровне языкового оформления текста, включающего в себя собственно языковые средства с учетом влияния их семантики и смыслов на идейно-тематический и иные структурные компоненты произведения. Интерес филологов к личности и творчеству автора неуклонно растет: появляются все новые и новые исследования. В центре внимания ученых оказывается прежде всего литературоведческий аспект корпуса его текстов: так, творчество В. И. Белова рассматривается главным образом в контексте анализа и изучения истории концепции деревенской прозы (исследования

И. Н. Новожеевой¹). В последнее время филологическая наука трактует творчество писателя и в контексте понятия «вологодский текст» (работы Г. В. Судакова², коллективная монография «Повесть В. И. Белова “Привычное дело” как вологодский текст»³).

Можно отметить, что с позиции литературоведения В. И. Белов изучен в достаточно полной мере: рассмотрена специфика функционирования различных художественных категорий, проанализированы пространственно-временные координаты художественной картины мира в прозе писателя (Я. В. Сальникова⁴), описаны особенности реализации структурно-содержательных элементов текста: например, реализации различных мотивов и в прозе, и в драматургии (А. Ю. Мещанский⁵). Кроме того, исследованы значимые для автора оппозитивные образы города и деревни, а также внутритекстовые связи произведений друг с другом (работы А. В. Федоровой⁶, Н. А. Гавриловой⁷). С позиции лингвистической науки произведения В. И. Белова традиционно представляют интерес как репрезентанты прежде всего региональной (диалектной) речевой культуры и картины мира, национальной картины мира (статьи Е. Н. Ильиной, Н. Л. Фишер⁸, Т. Е. Аркатовой⁹). Опыт системного лингвистического изучения его творчества представлен в словаре «Народное слово в произведениях В. И. Белова»¹⁰, автором-составителем которого выступила Л. Г. Яцкевич. Можно отметить, что в той или иной степени выполнены описание и анализ основных языковых особенностей творчества писателя: прежде всего лексических (описаны диалектизмы,

¹ Новожеева И. Н. Концепция человека в деревенской прозе 1960–1980-х годов: по произведениям В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина, В. Шукшина: дис. ... канд. филол. наук. – Брянск: [б. и.], 2007. – 212 с.

² Судаков Г. В. Проза В. И. Белова как образец «вологодского» текста // Литература в школе. – 2017. – № 9. – С. 2–6.

³ Баранов С. Ю., Воронина Т. Н., Головкина С. Х., Ильина Е. Н., Патапенко С. Н., Розанов Ю. В., Федорова А. В., Фишер Н. Л. Повесть В. И. Белова «Привычное дело» как вологодский текст. – Вологда: ИП А. В. Киселев, 2016. – 191 с.

⁴ Сальникова Я. В. Художественная картина мира в прозе В. Белова: пространственно-временные координаты: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж: [б. и.], 2011. – 176 с.

⁵ Мещанский А. Ю. Мотив «разлада» в драматургии В. И. Белова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-razlada-v-dramaturgii-v-belova> (дата обращения: 19.01.2020).

⁶ Федорова А. В. Роль образов Москвы и Вологды в реализации оппозиции Город / Деревня в трилогии В. Белова «Час шестой» // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 3 (64). – С. 91–94.

⁷ Гаврилова Н. А. Романы В. И. Белова «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой» как художественная целостность: дис. ... канд. филол. наук. – Череповец: [б. и.], 2002. – 165 с.

⁸ Ильина Е. Н., Фишер Н. Л. Система ценностей диалектной картины мира и ее отражение в прозе В. И. Белова // Русский язык в современном мире. – 2013. – № 1. – С. 665–671.

⁹ Аркатова Т. Е. Национальный образ мира в прозе В. И. Белова: дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток: [б. и.], 2008. – 195 с.

¹⁰ Народное слово в произведениях В. И. Белова: словарь / автор-составитель Л. Г. Яцкевич. – Вологда: ВИРО, 2000. – 214 с.

регионализмы, колоризмы – Г. В. Судаков¹, Р. В. Попов²), грамматических (О. Н. Гусева³).

Мир города и мир деревни тесно переплетены в художественном пространстве В. И. Белова: каждый из них в той или иной степени представлен и в крупных, в том числе знаковых произведениях автора (например, повесть «Привычное дело», трилогия «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой», «Целуются зори»), и в малой прозе. Специфика эпических жанров, таких как роман, повесть, рассказ и т. д., позволяет автору реализовать структурно-содержательную оппозицию «Город / Деревня» как в рамках субъектной организации повествования, в композиции текста, так и в его образной системе.

Стоит отметить, что при наличии работ, исследующих оппозицию «Город / Деревня» в произведениях В. И. Белова на уровне организации сюжета, системы персонажей, специфики реализации конфликта и т. д., недостаточно изучена речевая репрезентация этой оппозиции в творчестве писателя. Специальных работ, посвященных данной проблеме и ориентированных преимущественно на лингвистический анализ текстов автора, нам неизвестно.

Однако стоит отметить, что «крестьянский сын Белов, который сам вырос в деревне и немало поработал на равных со своими земляками, по естественной логике народной жизни поднявшись к высотам культуры, не утратил органичных духовных связей со своей родовой средой. Он лишь глубже понял мироощущение современной деревни, отразившееся, в частности, в стихии народного языка. Мету использования этой стихии определили живая речевая среда, непосредственность общения с ней, а также природный вкус писателя и опыт мастеров-классиков»⁴. Жанром, который в полной мере аккумулирует в себе народное мирознание и мировосприятие, переплетение городского и деревенского пространств, является сказ.

Цель настоящего исследования – анализ сказа «Маникюр» как одного из репрезентантов культурно-семантической оппозиции «Город / Деревня» в творчестве В. И. Белова.

Основная часть

Одним из ярких произведений В. И. Белова, написанных в форме сказа, является произведение «Маникюр» (с подзаголовком «Монолог доярки»), созданное в 1970 г. В это время советская литература активно шла по пути изменения своих философско-эстетических координат и расширения повествовательных форм. Во многом изменилось авторское отношение к функции художественной литературы как

¹ Судаков Г. В. Цветообозначения в художественных текстах В. И. Белова // Беловский сборник / под редакцией Г. В. Судакова. – Вологда: ВоГУ, 2016. – Вып. 2. – С. 182–186.

² Попов Р. В. Лексические приметы времени в романе В. И. Белова «Все впереди» // Беловский сборник / под редакцией Г. В. Судакова. – Вологда: ВоГУ, 2016. – Вып. 2. – С. 176–181.

³ Гусева О. Н. Региональные синтаксические особенности повести В. И. Белова «Привычное дело» // Вологодский текст в русской культуре: сборник статей по материалам конференции. – Вологда: Легия, 2015. – С. 129–135.

⁴ Оботуров В. А. Самим собою оставаясь // Наш современник. – 1979. – № 10. – С. 158.

искусства и, соответственно, отношение к реципиенту-читателю. Иными словами, усилилась ее коммуникативная направленность: теперь основной задачей писателя стало создание такого коммуникативного пространства текста, в котором читатель был бы активно включен в процесс разворачивания сюжета и при этом освобожден от непосредственного восприятия господствующей (а иногда и довлеющей) авторской позиции.

Это вызвало, по мнению Б. Тесмер, «новое открытие и возрождение сказа или сказообразных структур в эпических жанрах в 60-е и 70-е годы»¹. Ориентация на читателя и его восприятие текста обуславливает появление в творчестве ведущих советских писателей, таких как Ф. Абрамов, В. Шукшин, В. Белов, произведений, в которых речь автора и речь персонажей оказывается органически слитной. Это детерминирует естественные изменения в речевом и коммуникативном плане организации художественных текстов, написанных указанными авторами, в данный период развития русской литературы.

Иными словами, благодаря появлению в художественном произведении нового, не-авторского языкового сознания (пусть и имитированного), читатель более полно усваивает те культурные, социальные, аксиологические установки, которые хочет передать автор. Сказ как специфическая форма нарратива определяется, по мнению В. В. Виноградова, как «своеобразная литературно-художественная ориентация на устный монолог повествующего типа, <...> художественная имитация монологической речи, которая, воплощая в себе повествовательную фабулу, как будто строится в порядке ее непосредственного говорения»².

Стоит отметить, что жанровые особенности сказа детерминируют специфику реализации в художественном тексте основных сюжетно- и идейнообразующих его элементов. В филологической науке существуют различные подходы к дефиниции сказа и к определению его жанровой специфики. Тем не менее при разнообразии трактовок многие исследователи, такие как Б. О. Корман³, Е. Г. Мущенко, В. П. Скобелев, Л. Е. Кройчик⁴, Ю. Н. Тынянов⁵, единодушны в том, что сказ:

1) ориентирован на имитацию устной речи и, соответственно, на читателя-собеседника;

2) представляет собой «двухголосое» повествование, чаще всего связанное с демократически настроенными представителями социума.

В филологической науке принято выделять два типа сказа (Ю. Н. Тынянов⁶):

¹ Тесмер Б. Повествовательные структуры в русской прозе 60-х – 70-х годов (на примере творчества В. Белова) // Писатель в литературном процессе. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1991. – С. 88.

² Виноградов В. В. Проблема сказа в стилистике // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. – Москва: Наука, 1980. – С. 49.

³ Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. – Москва: Просвещение, 1972. – 110 с.

⁴ Мущенко Е. Г., Скобелев В. П., Кройчик Л. Е. Поэтика сказа. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1978. – 287 с.

⁵ Тынянов Ю. Н. Литературное сегодня // Тынянов Ю. Н. Поэтика. Теория литературы. Кино. – Москва: Наука, 1977. – С. 150–166.

⁶ Там же.

- характерный сказ;
- орнаментальный сказ.

Характерный сказ представляет собой особую форму нарратива, детерминированного прежде всего образом конкретного рассказчика-повествователя (нарратора), языковое сознание которого и обуславливает течение повествования.

Орнаментальный сказ, по мнению В. Шмида, отражает «не один облик нарратора, а целую гамму голосов и масок» и не отсылает «ни к какой личной повествовательной инстанции»¹.

Говоря о признаках сказа, мы ориентируемся на концепцию В. Шмида². Исследователь отмечает 7 признаков, детерминирующих специфику этой языковой картины мира, языкового сознания, репрезентируемого рассказчиком (нарратором):

1. Нарраториальность (сказ – текст рассказчика, а не персонажа).
2. Ограниченность умственного горизонта нарратора (как правило, рассказчик – представитель народной среды, отдаленный от автора произведения в плане кругозора).
3. Двухголосость (в сказе присутствует демократически ориентированный рассказчик и автор, имитирующий его речь и воссоздающий его языковую картину мира).
4. Устность (ориентация на устное воспроизведение).
5. Спонтанность (речь рассказчика представлена в тексте как развивающийся процесс).
6. Разговорность (речевой рисунок сказа обусловлен наличием в нем представителя определенной социокультурной среды, предполагающей использование в тексте разговорных (как на лексическом, так и на грамматическом уровне речи) и потенциально ошибочных элементов).
7. Диалогичность (сказ предполагает наличие благожелательно настроенного слушателя и соответствующие речевые реакции нарратора).

В контексте творчества В. И. Белова и его сказа «Маникюр» обозначенные особенности и признаки этого повествовательного жанра детерминируют наличие указанной нами оппозиции «Город / Деревня»: рассказчица (доярка, представитель деревенской (т. е. демократической социокультурной) среды) приезжает к брату-полковнику в город (представитель городского пространства).

Кроме того, стоит отметить, что для реципиента-читателя нарратор в той или иной степени осуществляет функцию проводника между двумя типами культур, обладающих рядом определенных когнитивных и ценностных установок. Это обуславливает наличие в сюжетной структуре сказа специфически организованного хронотопа, выражающего позицию прежде всего повествователя, ориентированного на локальную (деревенскую) культуру и ее социокультурные ценности, не совпадающие с установками оппозитивной (городской) среды.

Так, в контексте организации художественного пространства сказа для рассказчицы концептуально важным является социогенетически обусловленная оппозиция «Свое / Чужое», репрезентированная в частной оппозиции «Город /

¹ Шмид В. Нарратология. – Москва: Языки славянской культуры. 2003. – С. 190.

² Там же. – С. 186–189.

Деревня». Как «свое» мыслятся следующие топосы: родная деревня, железнодорожная станция («Как вышла на своей-то станции, так сердце и зашлось»¹), рабочая зона доярки («из-под коров»).

«Свое» пространство в речи повествователя эксплицировано лексическим элементом «Домой» («Лучше уж дома держать, не показывать»; «Отправь домой ради Христа»; «Нет, говорю, поеду и поеду домой»; «Не надо и гостинцев, поскорей бы домой»). В качестве чужого пространства в языковом сознании нарратора репрезентированы такие топосы, как Москва («Уж не утерплю, расскажу, как я в Москву-то слетала»), Кремль как символ Москвы – т. е. маркер «чужого» («Из-под коров да под самый Кремль»), «поликмахтерская» (парикмахерская), магазин, ресторан, вокзал, улицы – иными словами, многие элементы инфраструктуры города.

В рамках организации художественного времени для повествователя является доминирующим сам момент наррации (момент повествования, развертывания речи), нежели время описываемых событий, что обусловлено коммуникативными установками сказа как жанра: ориентация на устную речь и коммуникацию с читателем-слушателем.

Как уже было сказано, рассказчик представляет собой выходца из народной (деревенской) социокультурной среды, и именно его точка зрения, ценностные и иные установки отражаются на протяжении всего повествования. В частности, это репрезентировано в образной системе произведения. В центре сюжета находится сам нарратор (доярка), кроме него в коммуникативное пространство эксплицировано включены брат рассказчицы и его жена, представители городского локуса (прохожие, работники парикмахерской). Некоторые персонажи лишены «голоса»: они фигурируют в сказе, их характеристики также обусловлены языковым сознанием нарратора, но реплики в тексте не отражены (например, это сослуживцы и знакомые брата-полковника).

Основная часть текста сказа – монолог доярки, рассказывающий воображаемому слушателю-читателю историю поездки в Москву. В процессе развертывания речи и, соответственно, сюжета в пространство произведения включаются другие голоса (указанные выше); имитируя их речь, рассказчица так или иначе отражает собственные ценностные, прагматические, когнитивные и иные установки.

Например, прежде всего в коммуникативное пространство сказа включается брат рассказчицы-доярки («Поехала к брату – он у меня полковник. Моложе меня, а давно на пенсии; делать-то ему нечего – вот обрадел!»).

Стоит отметить, что только он имеет в тексте какую-либо номинацию (Иван Петрович); остальные персонажи, в том числе и главная героиня, остаются безымянными. При этом сам повествователь номинирует героя опосредованно, в ходе передачи чужой прямой речи (прохожего, который помогает найти дорогу): «Вам не к Ивану Петровичу?»

Кроме того, нарратор, говоря о своем родственнике, не именует его напрямую (имя брата прозвучит только один раз). В ходе повествования рассказчица предпочитает называть его братом, единожды звучит его социальная характеристика

¹ Здесь и далее цит. по: Белов В. И. Собрание сочинений: в 7 т. – Москва: Классика. 2011. – Т. 1. – 605 с.

(«полковник») и указание на возраст («моложе меня»). В процесс коммуникации читателя-слушателя сказа никак не вводится и имя жены брата-полковника: в ходе развертывания монолога главная героиня подчеркивает ее статус (невестка). Иными словами, эти особенности речевой манеры повествователя эксплицируют его ценностные установки как представителя деревенской локальной культурной среды: в данном контексте важно не имя героя (в отличие от городских жителей), а его родственные связи по отношению к рассказчику, подчеркиваемые неоднократно: «Уж брат-от с невесткой» и т. д.

Как уже было сказано, специфика реализации образов персонажей сказа обусловлена языковым сознанием рассказчика, поэтому данные образы воспринимаются читателем-слушателем посредством тех характеристик, которые нарратор вводит напрямую либо с помощью передачи прямой речи.

Так, речь брата в основном репрезентирована рассказчиком в форме прямой и несобственно-прямой речи:

1. Прямая речь:

А. «"Ой, ты?!" – говорит».

Б. «– Кабы ты, – говорит, – была с головой, сообщила бы»;

В. «– Я бы, – говорит, – на машине тебя с вокзала увез. Только свистнуло бы!»;

Г. «Брат мне и говорит: “А вот мы из тебя сейчас такую мадаму сделаем!”»;

Д. «Полдня, считай, зря ухлопали, а брат мне говорит: “Ну, теперь еще маникюр!”»;

Е. «Ладно, отелятся без тебя, поедем теперь в магазин» .

2. Несобственно-прямая речь:

А. «Уж брат-от с невесткой порасстраивались, поругали меня: почему телеграмму не подала?»;

Б. «Вплоть до самого генерала: вот, познакомьтесь, родная сестра».

Стоит отметить, что основным маркером передачи речи персонажей является лексема «говорит», которая в зависимости от контекста и коммуникативной цели нарратора может находиться в препозиции (пример 1Г, 1Д), интерпозиции (1Б, 1В) и постпозиции (1А) по отношению к монологу главной героини сказа. В примере 1Е речевой маркер чужой речи и вовсе отсутствует. Маркер «говорит» представляет собой глагол в форме настоящего времени, хотя хронологически действия и реплики, произносимые персонажами, происходят в прошлом, что обусловлено неосознанным стремлением рассказчика-повествователя психологически включить реципиента-читателя в развитие действия.

Речевую манеру брата нарратор передает в контексте своей картины мира, поэтому некоторые слова, незнакомые или непонятные для него, принадлежащие чужеродной речевой культуре, воспроизводятся с ошибками: «А вот мы из тебя сейчас такую мадаму сделаем».

Кроме того, в речи брата, благодаря присутствию в ней языкового сознания нарратора, репрезентированы именно его (нарратора) ценностные установки, о которых было сказано выше: представляя рассказчицу гостям, брат не называет ее по имени, а идентифицирует в соответствии с их родственными связями: «Познакомьтесь, родная сестра». Иными словами, данный факт подтверждает аксиологическую значимость для представителей деревенской локальной культуры

не социального статуса / профессии (доярка), не имени, а степени родства, поскольку для жителей деревни именно это является самым важным.

Использование несобственно-прямой речи позволяет рассказчику передать речь героев, частично включив ее в свою собственную и охарактеризовав свое отношение к ее содержанию. Так, из примера 2А становится известно, что, по мнению нарратора, брат и невестка расстроены сложившейся ситуацией (рассказчице пришлось самостоятельно добираться до дома брата) и в связи с этим «ругают» ее, их голоса «слиты» в один. Иногда, как в примере 2Б, нарратор меняет точку зрения повествования, и это является маркером несобственно-прямой речи.

Отметим, что для восприятия образа брата-полковника важны не только его речевые характеристики, но и сюжетная функция, которую он пытается реализовать: стремясь изменить сестру, сделать ее похожей на горожанку, он выполняет своеобразную роль Пигмалиона, однако терпит поражение, поскольку ее преобразование направлено на изменение лишь внешних характеристик, но не внутренних, обусловленных специфической картиной мира.

В наррацию оказываются включены и другие персонажи, о которых уже было сказано выше: они являются репрезентантами городской среды (прохожие, работники парикмахерской и т. д.). Их речь маркирована лексемами «говорит», «скажет», «спрашивает».

В коммуникацию с данными героями нарратор включается, попав в трудную ситуацию: заблудившись в городе. Впрочем, и сами горожане иногда с трудом ориентируются в этом сложно организованном и запутанном пространстве: «Дорогу-то мне указывают, да по-разному все: один говорит – влево, девушка, другой – вправо, гражданка, третий скажет – тетка, дуй напрямик!»

Передача рассказчицей речи прохожих отражает различное отношение к ней, в частности, в этих репликах можно встретить многообразие способов ее именования (обращений): «девушка», «гражданка», «тетка». Каждое из этих обращений базируется на разных характеристиках: возрастной, социальной (так, гражданка – явный лексический элемент городского локуса). В восприятии нарратора прохожими нет единства, например, один персонаж называет ее девушкой, другой – теткой (хотя обычно данная номинация используется, когда говорят о более взрослых женщинах, она имеет явный оттенок разговорности). Тем не менее все эти персонажи обращаются к героине на «ты», в их речи репрезентирована грубость, пренебрежительность и равнодушие («дуй напрямик»). Гипотетически это может быть детерминировано авторской интенцией В. И. Белова на выражение сложности интерлокальных отношений между представителями города и деревни: рассказчица делает акцент на том, что прохожие идентифицировали ее как представителя деревенского локуса (обращали внимание на ее «котомку») и демонстрировали свое отношение на основании этой идентификации.

Впрочем, и для самого нарратора горожане представляют собой многоголосие, среди которого трудно выделить кого-то одного. Описывая разговор с прохожими на улице, повествователь не дает им ни возрастной, ни социальной, ни гендерной характеристики, использует глаголы в форме множественного числа, т. е. действия горожан словно сливаются меж собой: «дорогу-то мне указывают, да по-разному все»; «один, другой, третий»; «на котомку-то поглядят, ой, господи!». Это

подчеркивает восприятие героиней города как чужеродного физического и социокультурного пространства: обилие людей (в отличие от деревенского локуса) не позволяет воспринимать каждого как отдельного человека со своими особенностями и характеристиками.

Тем не менее из ряда горожан оказывается выделен человек, ценностные установки которого близки мировосприятию нарратора: появляется тот, кто сам предлагает помощь, увидев усталость повествователя («До чего доходила взад-вперед – уж и в глазах двоится!»; «Вдруг дядечка старенький подошел <...>»). Данная номинация позволяет рассказчику эксплицированно дать гендерную и возрастную характеристику герою, выразить эмоциональное отношение к нему (благодаря уменьшительно-ласкательным суффиксам).

Именно этот персонаж и именуется брата нарратора («Вам не к Ивану Петровичу?»). В данном контексте можно увидеть разницу мировосприятия представителей деревенского и городского социума: если для первых центральное место занимают прежде всего родственные связи, то для вторых важна прямая номинация по имени и отчеству, обусловленная социокультурными требованиями и стандартами городского локуса (особенно столичного).

Подобная номинация может отражать либо степень знакомства говорящего и героя его речи, либо наличие определенного социального статуса, в целом демонстрировать уважительное отношение к тому, кого называют или к кому обращаются.

Речь данного прохожего так же, как и других персонажей, передана с помощью прямой речи с интерпозицией слов рассказчика: «Вон, – говорит, – в этом доме; на второй этаж, шестая квартира. Давно, – говорит, – ждут!». Стоит отметить, что речевая манера этого героя репрезентирует уважительное отношение к нарратору: присутствует обращение на «Вы».

В процессе передачи прямой речи отражаются социокультурные особенности повествователя: доярка может допускать ошибки в употреблении чужеродных лексических элементов («квартира»: ср. *квартира*) или использовать диалектные / просторечные элементы («в этом доме»: ср. *в этом доме*).

В ходе коммуникации с представителями столицы рассказчица пытается употреблять обращения, привычные горожанам, однако в итоге ее высказывания включают лексически разнородные характеристики (например, «гражданин старичок»). Галерею образов, описанных в сказе «Маникюр», дополняют сотрудники парикмахерской, куда привели рассказчицу. Их речевое поведение представлено одной репликой, переданной в форме несобственно-прямой речи: «Что да почему, разве чем недовольны?» Нарратор редуцирует их вопросы, но эксплицирует вежливое обращение на «Вы».

Иными словами, персонажи, появляющиеся в ходе повествования, представляют собой отражение социокультурных и мировоззренческих установок рассказчика.

Все вышеописанное позволяет реконструировать коммуникативный портрет повествователя, в котором можно выделить следующие характеристики: биогенетические, социогенетические и персоногенетические.

1. Биогенетические характеристики

С этой позиции рассказчика можно определить как женщину примерно 40 лет,

привыкшую к тяжелой физической работе в крестьянском хозяйстве, находящуюся в хорошей физической форме.

Так, повествователь отмечает, что она «десять годов сбиралась, не могла удосужиться» (приехать в Москву). Крестьянский труд, как правило, круглогодичен и регулярен, требует большого количества временных вложений.

Реципиент узнает, что нарратор «все хозяйство оставила» ради этой поездки. Повествователь не удручен тем, что его не забрали с вокзала на автомобиле, героиня добирается пешком, невзирая на то, что пространство города значительно больше, нежели деревенский локус («Ну, – говорю, – не велика и баронь, дошла и пешком»).

2. Социогенетические характеристики

Социальный статус нарратора становится ясен уже из подзаголовка сказа («монолог доярки»).

В ходе наррации этот статус неоднократно будет лексически репрезентирован с помощью употребления слов соответствующей тематической группы (*коровы, доить, отелиться*): «<...> из-под коров да под самый Кремль!»; «<...> как я коров-то буду доить?»; «<...> у меня три коровы вот-вот должны отелиться»).

Кроме того, рассказчица представляет себя в тексте сказа в статусе жены и матери: «Мужика с детками <...> оставила». Впрочем, наличие детей повествователь подчеркивает только единожды. Несколько чаще в речи героини фигурирует муж / мужик. Но слова «муж» и «мужик» встречаются однократно. Лексема «мужик» в сознании повествователя подразумевает такие характеристики, как надежный помощник в хозяйстве (именно на него остаются три коровы), равнодушный к своей жене (встречает на вокзале; не узнав супругу, терпеливо продолжает ее искать). Ожидая мужа на родной станции, рассказчица и вовсе никак его не именует, используя неполные предложения («Стою, гляжу – бежит!»; «Я стою: узнает аль не узнает? Пробежал мимо... Весь поезд обежал, бежит обратно»), только раз появляется местоимение «он» («Он опять бежит, да опять мимо меня»). Это позволяет сделать следующий вывод: для героини абсолютно естественно, что именно супруг встретит ее, поэтому данное пояснение она считает излишним, известным в том числе и реципиенту-читателю.

3. Персоногенетические характеристики

Повествователя можно охарактеризовать как человека, принимающего самостоятельные решения (поездка в Москву), способного на поступок. Оказавшись в трудной ситуации (заблудившись в чужом огромном городе), рассказчица не теряет, не перекладывает ответственность за себя на других, а находит выход (спрашивает дорогу у прохожих и идет пешком).

К персоногенетическим характеристикам можно отнести и деревенское (предположительно вологодское) происхождение рассказчицы. Репрезентация этого факта находит отражение в языковом оформлении ее высказываний: например, использовании диалектных и просторечных слов (*баронь, кварта, мадама, поликмахтерская, капарули, кажин, оклали, наоделась, обежал, одинова, эк*), постпозитивной энклитичной частицы *-то* и т. д.

Кроме того, героиня воспринимает город как абсолютно чуждое пространство, изобилующее технологиями, которые в деревенской среде встречаются не столь часто (например, личный автомобиль: «Я бы, – говорит, – на машине тебя с вокзала

увез. Только свистнуло бы!»). В картине мира повествователя технологическая культура не представлена (доярка даже не задумывается о том, что могла отправиться в путь по городу на автомобиле).

Реакции героини на происходящие вокруг события эмоциональны и по-детски непосредственны. Ее восприятие парикмахерской можно сравнить с восприятием театра Наташей Ростовской, героиней романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир». Кроме того, повествователь в некоторой степени уничижает себя как представителя деревенского (провинциального, вологодского) локуса и автоматически ставит городскую (столичную) среду в более значимую позицию: «Ну, – говорю, – не велика и баронь, дошла и пешком».

Иными словами, рассказчица не выглядит в собственных глазах как человек, достойный «особых», городских технологий и услуг, это характерно для сельского жителя. Так, она говорит о себе: «Куда меня, такую растрепу? Лучше уж дома держать, не показывать», т. е. эксплицирует субъективно низкую самооценку («растрепу», «не велика баронь»), считая себя представителем иной, деревенской, провинциальной, более «низкой» культуры.

Подобные коннотации описываются С. Н. Смольниковым: «Негативные оценки выражаются эпитетами *глухой, безлюдный, дикий, темный, безграмотный* и т. д.¹, это подтверждает совпадение восприятия героиней себя как деревенской (вологодской) с коннотативными элементами семантики данного прилагательного, находящими презентацию в ее речевом употреблении вне вологодской среды.

Стоит подчеркнуть, что в сказе «Маникюр» деревенский социум оказывается для рассказчицы важнее, нежели городская культура. Это подтверждается рядом обстоятельств: повествование начинается с поездки главной героини в Москву, заканчивается же ее возвращением в родную деревню; а сам момент развертывания речи происходит уже после этого возвращения.

Кроме того, деревенский локус воспринимается рассказчицей как «Дом»: «Надоело-то, еле выжила. Нет, говорю, поеду и поеду домой. <...> Не надо и гостинцев, поскорей бы домой». Дом в картине мира повествователя ассоциируется с коровами, мужем и детьми. В частности, именно о коровах героиня переживает на протяжении всей истории (муж фигурирует в ее речи два раза, дети – один): в начале повествования она подчеркивает, что уезжает «из-под коров да под самый Кремль», переживает, как будет «такими баскими-то» руками их доить, хочет вернуться домой, потому что коровы должны отелиться; и один из первых вопросов, который рассказчица задает мужу после встречи: «Не отелились коровы-то?»

Пространство города воспринимается нарратором как «Не-дом». К данной категории можно отнести и урбанистическую среду в целом (вокзал, улицы, дома), и дом брата и его жены. Стоит отметить, что для рассказчицы не представляется значимым внутреннее убранство этого дома, поэтому в тексте его описания нет (нам известно только то, что брат живет в квартире на втором этаже). К категории «Не-дома» можно отнести и парикмахерскую, магазин, дома гостей и сослуживцев брата.

В то же время смысловым центром повествования для героини является

¹ Смольников С. Н. Семантика имени прилагательного «вологодский» и проблемы региональной идентичности // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 3 (64). – С. 89.

«поликмахтерская». Это детерминировано биогенетическими свойствами рассказчицы (полом и возрастом).

Реакция повествователя на посещение парикмахерской может служить примером языковой репрезентации теории остранения В. Б. Шкловского, которая предполагает «создание особого восприятия предмета, создание видения его, а не узнавания»¹.

Поскольку героиня никогда не была в парикмахерской и не делала маникюр, то ее восприятие этого заведения и этой косметической процедуры в данном контексте требует опоры на что-то уже известное. Именно поэтому нарратор сравнивает парикмахерскую с больницей: «Завел – господи, царица небесная, куда я попала-то! Бабы сидят, мужики над ними в белых халатах. Ухаживают, как в больнице. Колпаков-то всяких, скляночек-то!» Для рассказчицы связь с больницей подтверждается внешним видом людей («баб» и «мужиков», которые там находятся) («белые халаты»), наличием определенного рода инвентаря («колпаки», «скляночки»).

Ключевым событием, завершающим процесс превращения доярки в «мадому», является маникюр («Ну, теперь еще маникюр!»). Семантика данного французского слова рассказчице неизвестна, автор эту неосведомленность иронически обыгрывает в реплике «Маникюр так и маникюр, одинова погибать». Героиня критически оценивает состояние своих натруженных, типичных для деревенской среды рук: «Экие-то капарули!»

Процедура выполнения маникюра также описана нарратором с позиции теории остранения: «Руки-то мои оклали в блюдо с теплой водой, видать, отмачивать. <...> Обтерли, кажин ноготок обчистили. Потом стали красить в розовое». Оценка героиней необходимости парикмахерских процедур эксплицирована в высказывании «Полдня, считай, зря ухлопали». С точки зрения сельчанина подобные услуги не несут пользы, они ему непонятны.

Однако элементы городской культуры оказываются чужды мировосприятию деревенского жителя («Как я коров-то буду доить? Эткими баскими-то? Да и заревела...»). Иными словами, компоненты урбанистического мира в какой-то мере вступают в конфронтацию с потребностями деревни (так, маникюр эстетичен, но в условиях села оказывается непригодным).

Стоит отметить, что все элементы «Не-дома» позиционируются как враждебные восприятию рассказчицы, причем степень их отчуждения в ходе повествования растет.

Так, в сам город (Москву) и в дом брата героиня сказа приезжает добровольно, однако в магазин и в парикмахерскую ее приводит Иван Петрович, а посещение ресторана и знакомых уже оказывается невыносимым: «Уж он возил, возил меня, и в ресторан, и по знакомым. <...> А родная сестра слова сказать не может, ступить боится. <...> Надоело-то, еле выжила».

Иными словами, рассказчице приходится прибегнуть к коммуникативной самоизоляции. Она буквально умоляет брата вернуть ее в родную сельскую среду со своими привычными обязанностями, далекими от мира города: «Отправь домой ради

¹ Шкловский В. Искусство как прием // Сборники по теории поэтического языка. – Петроград: Типография З. Соколинского, 1919. – Вып. 3. – № 1. – С. 101–114.

Христа». Как уже было сказано выше, Иван Петрович пытался реализовать функцию своеобразного Пигмалиона в отношении сестры, поэтому домой она вернулась «сама не своя».

Таким образом, в сознании героини столкнулись два образа себя: «Я» и «Не-Я» («Я», измененная городом). Несмотря на радикальное внешнее преобразование, в портрете повествователя остался один неизменный элемент: «Эк, – говорит, – тебя, и подойти боязно. Только по чемодану и узнал». Стоит отметить, что маркеры городской среды (в том числе и во внешности) вызывают опасения («подойти боязно»). С позиции сельчанина город, его образ жизни может поменять человека до неузнаваемости («Я стою: узнает аль не узнает?»), но внутренние, когнитивные, ценностные его установки останутся прежними.

Выводы

В сказе В. И. Белова «Маникюр» город представлен как сложное, запутанное пространство с большой численностью населения, разобщенностью его жителей. Урбанистическая среда в мировосприятии сельчанина вызывает страх, опасение и неприятие.

Занятия и заботы деревни (родного жизненного уклада героини сказа) оцениваются как более значимые и привычные.

Изучив уровень речевой репрезентации персонажей произведения, комплекс языковых средств, представлений о «своем» и «чужом» в художественном пространстве текста, можно сделать вывод об устойчивом предпочтении привычных деревенских (сельских) установок, ценностей культурно-значимым элементам городского социума.

Литература

Аркатова Т. Е. Национальный образ мира в прозе В. И. Белова: дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток: [б. и.], 2008. – 195 с.

Баранов С. Ю., Воронина Т. Н., Головкина С. Х., Ильина Е. Н., Патапенко С. Н., Розанов Ю. В., Федорова А. В., Фишер Н. Л. Повесть В. И. Белова «Привычное дело» как вологодский текст. – Вологда: ИП А. В. Киселев, 2016. – 191 с.

Белов В. И. Собрание сочинений: в 7 т. – Москва: Классика, 2011. – Т. 1. – 605 с.

Виноградов В. В. Проблема сказа в стилистике // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. – Москва: Наука, 1980. – С. 42–54.

Гаврилова Н. А. Романы В. И. Белова «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестый» как художественная целостность: дис. ... канд. филол. наук. – Череповец: [б. и.], 2002. – 165 с.

Гусева О. Н. Региональные синтаксические особенности повести В. И. Белова «Привычное дело» // Вологодский текст в русской культуре: сборник статей по материалам конференции. – Вологда: Легия, 2015. – С. 129–135.

Ильина Е. Н., Фишер Н. Л. Система ценностей диалектной картины мира и ее отражение в прозе В. И. Белова // Русский язык в современном мире. – 2013. – № 1. – С. 665–671.

Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. – Москва: Просвещение, 1972. – 110 с.

Мещанский А. Ю. Мотив «разлада» в драматургии В. И. Белова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-razlada-v-dramaturgii-v-belova> (дата обращения: 19.01.2020).

Мущенко Е. Г., Скобелев В. П., Кройчик Л. Е. Поэтика сказа. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1978. – 287 с.

Народное слово в произведениях В. И. Белова: словарь / автор-составитель Л. Г. Яцкевич. – Вологда: ВИРО, 2000. – 214 с.

Новожеева И. Н. Концепция человека в деревенской прозе 1960–1980-х годов: по произведениям В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина, В. Шукшина: дис. ... канд. филол. наук. – Брянск: [б. и.], 2007. – 212 с.

Оботуров В. А. Самим собою оставаясь // Наш современник. – 1979. – № 10. – С. 158–166.

Попов Р. В. Лексические приметы времени в романе В. И. Белова «Все впереди» // Беловский сборник / под редакцией Г. В. Судакова. – Вологда: ВоГУ, 2016. – Вып. 2. – С. 176–181.

Сальникова Я. В. Художественная картина мира в прозе В. Белова: пространственно-временные координаты: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж: [б. и.], 2011. – 176 с.

Смольников С. Н. Семантика имени прилагательного «вологодский» и проблемы региональной идентичности // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 3 (64). – С. 86–90.

Судаков Г. В. Проза В. И. Белова как образец «вологодского» текста // Литература в школе. – 2017. – № 9. – С. 2–6.

Судаков Г. В. Цветобозначения в художественных текстах В. И. Белова // Беловский сборник / под редакцией Г. В. Судакова. – Вологда: ВоГУ, 2016. – Вып. 2. – С. 182–186.

Тесмер Б. Повествовательные структуры в русской прозе 60-х – 70-х годов (на примере творчества В. Белова) // Писатель в литературном процессе. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1991. – С. 86–93.

Тынянов Ю. Н. Литературное сегодня // Тынянов Ю. Н. Поэтика. Теория литературы. Кино. – Москва: Наука, 1977. – С. 150–166.

Федорова А. В. Роль образов Москвы и Вологды в реализации оппозиции Город / Деревня в трилогии В. Белова «Час шестый» // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 3 (64). – С. 91–94.

Шкловский В. Искусство как прием // Сборники по теории поэтического языка. – Петроград: Типография З. Соколинского. 1919. – Вып. 3. – № 1. – С. 101–114.

Шмид В. Нарратология. – Москва: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

References

Arkatova T. E. *Natsional'nyi obraz mira v proze V. I. Belova* [National image of the world in V. I. Belov's prose: PhD thesis in Philology]. Vladivostok, 2008. 195 p.

Baranov S. Iu., Voronina T. N., Golovkina S. Kh., Il'ina E. N., Patapenko S. N., Rozanov Iu. V., Fedorova A. V., Fisher H. L. *Povest' V. I. Belova "Privychnoe delo" kak vologodskii tekst* [V. I. Belov's novelet "Business as usual" as a Vologda text]. Vologda: IP A. V. Kiselev, 2016. 191 p.

Belov V. I. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Complete works: in 7 volumes]. Moscow: Klassika, 2011, vol. 1. 605 p.

Vinogradov V. V. Problema skaza v stilistike [The problem of skaz in stylistics]. *Vinogradov V. V. O iazyke khudozhestvennoi prozy* [About the language of fictional prose]. Moscow: Nauka, 1980, pp. 42–54.

Gavrilova N. A. *Romany V. I. Belova "Kanuny", "God velikogo pereloma", "Chas shesty" kak khudozhestvennaia tselostnost'* [V. I. Belov's novels "Eves", "The Year of a Major Breakdown", "The Sixth Hour" as a fictional integrity: PhD thesis in Philology]. Cherepovets, 2002. 165 p.

Guseva O. N. Regional'nye sintaksicheskie osobennosti povesti V. I. Belova "Privychnoe delo" [Regional syntactic features of V. I. Belov's novel "Business as usual"]. *Vologodskii tekst v russkoi kul'ture: sbornik statei po materialam konferentsii* [Vologda text in Russian culture: proceedings of

the conference]. Vologda: Legiia. 2015, pp. 129–135.

Il'ina E. N., Fisher N. L. Sistema tsennosti dialektnoi kartiny mira i ee otrazhenie v proze V. I. Belova [The system of values in the dialect picture of the world and its reflection in the prose of V. I. Belov]. *Russkii iazyk v sovremennom mire* [Russian language in the modern world]. 2013, no. 1, pp. 665–671.

Korman B. O. *Izuchenie teksta khudozhestvennogo proizvedeniia* [Studying the text of a fictional work]. Moscow: Prosveshchenie, 1972. 110 p.

Meshchanskii A. Iu. Motiv “razlada” v dramaturgii V. I. Belova [The motive of “Discord” in dramatic works by V. I. Belov]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and social sciences], 2012, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-razlada-v-dramaturgii-v-belova> (accessed: 19.01.2020).

Mushchenko E. G., Skobelev V. P., Kroichik L. E. *Poetika skaza* [Poetics of the skaz]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1978. 287 p.

Narodnoe slovo v proizvedeniakh V. I. Belova: slovar' [Folk word in the works of V. I. Belov: dictionary; author-compiler: L. G. Iatskevich]. Vologda: VIRO, 2000. 214 p.

Novozheeva I. N. *Kontsepsiia cheloveka v derevenskoi proze 1960–1980-kh godov: po proizvedeniam V. Astaf'eva, F. Abramova, V. Belova, V. Rasputina, V. Shukshina* [The concept of man in rural prose of the 1960s and 1980s: based on the works of V. Astafiev, F. Abramov, V. Belov, V. Rasputin, V. Shukshin: PhD thesis in Philology]. Bryansk. 2007. 212 p.

Oboturov V. A. Samim soboiu ostavaias' [Being yourself]. *Nash sovremennik* [Our contemporary], 1979, no. 10, pp. 158–166.

Popov R. V. Leksicheskie primety vremeni v romane V. I. Belova “Vse vpered!” [Lexical signs of time in V. I. Belov's novel “Everything's ahead”]. *Belovskii sbornik* [Belovsky collection; ed. by G. V. Sudakov]. Vologda: VoGU, 2016, iss. 2, pp. 176–181.

Sal'nikova Ia. V. *Khudozhestvennaia kartina mira v proze V. I. Belova: prostranstvenno-vremennye koordinaty* [Fictional picture of the world in V. Belov's prose: space-time coordinates: PhD thesis in Philology]. Voronezh, 2011. 176 p.

Smol'nikov S. N. Semantika imeni prilagatel'nogo “vologodskii” i problemy regional'noi identichnosti [Semantics of the adjective “Vologodsky” and problems of regional identity]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2015, no. 3 (64), pp. 86–90.

Sudakov G. V. Proza V. I. Belova kak obrazets “vologodskogo” teksta [V. I. Belov's prose as a sample of the “Vologda” text]. *Literatura v shkole* [Literature at school], 2017, no. 9, pp. 2–6.

Sudakov G. V. Tsvetooboznacheniiia v khudozhestvennykh tekstakh V. I. Belova [Color nominations in V. I. Belov's fictional texts]. *Belovskii sbornik* [Belovsky collection; ed. by G. V. Sudakov]. Vologda: VoGU, 2016, iss. 2, pp. 182–186.

Tesmer B. Povestvovatel'nye struktury v russkoi proze 60-kh – 70-kh godov (na primere tvorchestva V. Belova) [Narrative structures in Russian prose of the 60s – 70s (by the example of V. Belov's works)]. *Pisatel' v literaturnom protsesse* [Writer in a literary process]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1991, pp. 86–93.

Tynianov Iu. N. Literaturnoe segodnia [Literary issues today]. *Tynianov Iu. N. Poetika. Teoriia literatury. Kino*. [Poetics. Theory of literature. Cinema]. Moscow: Nauka, 1977, pp. 150–166.

Fedorova A. V. Rol' obrazov Moskvy i Vologdy v realizatsii oppozitsii Gorod / Derevnia v trilogii V. Belova “Chas shesty” [The role of Moscow and Vologda images in the realization of the City / Village opposition in V. Belov's trilogy “The Sixth Hour”]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2015, no. 3 (64), pp. 91–94.

Shklovskii V. Iskusstvo kak priem [Art as a technique]. *Sborniki po teorii poeticheskogo iazyka*

[Collected books on theory of the poetic language]. Petrograd: Tipografiia Z. Sokolinskogo, 1919, iss. 3, no. 1, pp. 101–114.

Shmid B. *Narratologiia* [Narratology]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003. 312 p.

Примечание: работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора Е. Н. Ильиной.

Для цитирования: Капина О. Н. Реализация оппозиции «Город / Деревня» в сказе В. И. Белова «Маникюр» // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 3 (96). – С. 57–72. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-3-96-5

For citation: Kapina O. N. Realization of opposition “City / Village” in the V. I. Belov’s skaz “Manicure”. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2020, no. 3 (96), pp. 57–72. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-3-96-5